

Ольга Малашкина

**СТРАННЫЕ ЖИТЕЛИ
СТРАННОГО ГОРОДА**

Ольга Малашкина
Странные жители
странного города

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23100848

ISBN 9785448380860

Аннотация

Вы вряд ли знаете о существовании этого города, если не живете в нем или рядом с ним. Это самый обычный город, каких множество. Вот только жители в нем странные, но это ничего – привыкните...

Содержание

Город	5
Крик	11
Под знаком редкостной крысы	13
Родительский день	26
Баянистка	30
Исчадие Ада	34
Два возвращения	40
Небожитель	42
На границе	44
Нерожденная	48
Хорошо	50
Сердце	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Странные жители странного города

Ольга Малашкина

© Ольга Малашкина, 2017

ISBN 978-5-4483-8086-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Город

Вы вряд ли знаете о существовании этого города, если не живете в нем или рядом с ним. Это самый обычный город, каких множество.

С запада и востока город ограничен двумя реками, одна из которых судоходная, а в другой водятся рыбы-мутанты. На северной окраине города есть атомная электростанция. Она не имеет названия, но между собой жители города называют ее «Авария» и связывают с ней рождение уродов и гениев.

К югу от города расположена секретная военная база, о которой знают все без исключения жители города и окрестных сел и деревень. Все уже давно привыкли к ночным испытаниям летательных аппаратов нового типа (их часто ошибочно принимают за НЛО) и ночным учениям и спокойно спят под звуки команд и шум моторов, а на утро находят круги на полях.

Однажды, в колонну наших самолетов затесался настоящий НЛО. Он так же, как и все, приземлился на военной базе. Корабль разобрали на запчасти. Инопланетяне скрылись в неизвестном направлении. Дело засекретили.

В городе есть огромный парк, прозванный местными Ужасный Лес. Он такой старый, что никто не знает, кто и когда его посадил. Деревья там старые, замшелые. Мох тол-

стым слоем покрывает землю. Звуки тонут во мхе. Ужасный Лес производит устрашающее впечатление. О нем рассказывают страшные вещи, но они не составляют и пятой части того, что там происходит на самом деле. Там часто находят трупы, но еще чаще – не находят. Крики тонут во мхе, он же надежно хоронит тела.

В парке есть Зеркальный пруд. Там лилии цветут. Раньше сюда часто приходили влюбленные, собирали лилии и клялись в вечной любви, но после того, как в парке появился оборотень, это стало опасно. Теперь юноши, в знак вечной любви приносят дамам своего сердца лилии с Зеркального пруда. Мало кто возвращается.

Я знаю девушку, которая отправила надоевшего воздыхателя за лилиями, не надеясь на его возвращение, но он вернулся с лилиями и страшными следами зубов на руках и груди. От него все узнали, что оборотень – огромный серебристый волк (а не большая трехголовая крыса, как все считали) с малахитовыми глазами. Он никому не сказал, что узнал в волке своего товарища. А вскоре и сам стал оборотнем.

Прямой линией через весь город проходит широкая трасса. Выходя из города, она теряется вдаль в направлениях севера и юга. На западе такая дорога называлась бы хай-вэй, в Германии – автобан, а у нас – автомагистраль. И на ней можно развивать огромные скорости. Молодые и крылатые часто выходят на трассу и улетают навсегда на бешеной скорости, не оставляя вестей о себе. Случается, что об их даль-

нейшей судьбе узнают из теленовостей (в городе и вправду часто рождаются гении и виной тому действительно Авария).

Так однажды на трассу вышли близнецы – брат и сестра... теперь в нашей стране два президента одновременно и между ними царит редкое согласие.

В городе есть вокзал. Как ни странно, мало кто знает, что рельсы расходятся от города подобно солнечным лучам или нитям гигантской паутины.

Городской вокзал становится отправной точкой для старшеклассников, всю ночь протанцевавших на выпускном балу и написавших на стенах своих школ с первого по последний этаж краской из баллончиков все, что они думают (школы в этом городе регулярно перекрашивают после каждого выпускного). Они разбегаются по стране подобно ярким лучикам и озаряют своим присутствием место, где хоть ненадолго появляются.

Каждый день в городе начинается одинаково: из-за реки поднимается красное солнце и длинными, похожими на прожекторы лучами освещает сначала окраины, с их одноэтажными домами, потом – спальные районы, дольше всего остаются неосвещенными центр города и Ужасный Лес. Потом город частью просыпается для нового дня, частью – засыпает после бессонной ночи, причем, окраины скорее засыпают, чем просыпаются; спальные районы скорее просыпаются, чем засыпают, а центр только просыпается – ему некогда

спать днем.

Солнце освещает реки, и город наполняется солнечными зайчиками. Авария отбрасывает длинную страшную тень на запад, а Ужасный Лес выглядит менее пугающе.

Людские потоки растекаются в разных направлениях, и за каждым человеком тянется нескончаемая ниточка-паутинка. Она тянется по всем маршрутам, по которым ходит человек, пересекается и переплетается с другими нитями, и тогда человек ощущает смутную тревогу или ожидает чего-то. Но в большинстве своем люди слишком заняты повседневными делами, чтобы чувствовать сплетение нитей. И каждый из них, в сущности, плетет паутину.

Есть люди, которые все же понимают это, хоть и весьма смутно. Например, как эта девушка. Она часто гуляет в одиночестве и в последние несколько дней пребывает в состоянии ожидания чуда. Она знает о паутинках и о том, что бывает, когда пересекаются маршруты, но не знает ничего о том, кто сейчас выйдет из-за угла, и с чьей нитью переплелась ее нить. До их встречи осталось 58 секунд.

День в городе проходит в обычной суете и клонится к вечеру. Закатное солнце очень красное, и оно окрашивает город в кровавые тона. Вечерний город производит ужасающее впечатление на приезжающих, местные же реагируют в целом спокойно, только стараются обойти подальше Ужасный Лес.

Также в час заката люди стараются держаться подальше

от окраин. Никто не задумывается о том, что как раз там местные банды не нападают: они там живут. Так, что окраины – самое безопасное место в закатный час и ночью.

Сейчас горожане стараются быть осторожнее: снова активизировалась банда вампиров во главе с красноглазой красавицей Николеттой. Почему-то их появление не связывают с Аварией, и правильно – это не мутация, а редкий вариант нормы.

Какое-то время об этой банде никто ничего не слышал. У них вышел конфликт с бандой Безумного Алекса. Во время одного из столкновений Николетта сильно порезала его (все-таки хорошая вещь кастет с выдвижными ножами), и Алекс чуть не умер (у него еще толком не зажили шрамы на месте отрезанных крыльев, а тут еще и глубокие ножевые ранения). Теперь все позади. Николетта и Алекс вместе (говорят даже, что у них есть ребенок, до смешного похожий на них обоих). Их банды объединились и снова держат город в напряжении. У Безумного снова отрастают крылья (ему их отрезают не первый раз, но Авария берет свое.), и вскоре он снова сможет подняться над городом.

Смеркается. Зажигаются звезды. Прошел еще один день. Так проходят недели, месяцы, годы и века. Так же вставало солнце над двумя реками, когда города не было и в помине. Так же ложился кровавый закат, когда посланцы пяти дружественных галактик сажали Ужасный Лес. А через 12 веков здесь основали город.

21.05.2004

Крик

Около трех часов ночи, когда все мирно спали, и было очень тихо, вдруг раздался нечеловеческий вопль.

Катя в ужасе проснулась, посмотрела секунд тридцать прямо перед собой, потом вскочила с кровати, выпрыгнула в открытое окно (подумаешь, третий этаж!) и побежала на звук.

Такое поведение было странным для нее – она уже давно привыкла к таким воплям и не слышала их сквозь сон. Что ни говори, а для жителей окраин нечеловеческие вопли были привычным делом, ведь на окраинах они раздавались чуть-чуть чаще, чем в спальнях районах, чуть чаще, чем в центре и в пятнадцать раз реже, чем в Ужасном Лесу (что, собственно, неудивительно – очень немногие обитатели Ужасного Леса являются людьми, поэтому большинство из них способно только на нечеловеческие вопли).

Когда Катя добежала до места, там уже никого не было, только медленно кружились большие ярко-зеленые светлячки. Она пожалала плечами и не спеша пошла домой. Светлячки окружили ее, но она высокомерно делала вид, что не замечает их. Позади нее появился призрачный силуэт и, уже протянув к ней руки, заметил выражение высокомерия на ее лице, принял его на свой счет и исчез. Ночь была летняя и прохладная. Легкий ветер раздувал ее белую ночную рубашку,

а хлопки шлепанцев эхом разносились на большое расстояние, и за ней эскортом летели большие зеленые светлячки.

Утром она проснулась с ощущением тоски, а, когда вспомнила, что ее вызвало – прибавилось непонятное отвращение.

В течение недели неприятные чувства понемногу рассеялись, спала она спокойно и воплей больше не слышала.

15.06.2005

Под знаком редкостной крысы

Ему всю жизнь не везло в любви. Не везло, главным образом, потому, что он всегда считал, что учеба важнее. Правда, девушки, которые на него заглядывались считали иначе, но он их совсем не замечал.

Но, чтобы не повезло так, как в этот раз – такого с ним еще никогда не случалось.

Учебу он успешно завершил прошлой весной. Теперь он работал ассистентом на одной из кафедр родного физмата и преподавал физику в школе неподалеку от дома. Еще он намеревался сделать множество научных открытий, к двум из которых сейчас был близок как никогда... и был страстно и безнадежно влюблен.

Страстным он был всю жизнь, но влюбчивым не был никогда, а тут... его всегда трезвый рассудок был бессилён.

Влюблен он был, скорее всего, не взаимно (точно он не знал и ужасно мучался). Да и надеяться на взаимность ему не позволяла совесть, но он все равно надеялся.

Дело в том, что его возлюбленная училась в той же школе, где он работал. Прошлой весной она с большим трудом была переведена в одиннадцатый класс.

Она словно бы олицетворяла собой все, что он никогда не делал. Она любила тяжелый рок и слушала его в плеере на всех уроках. К тому же она была весьма и весьма хулига-

нистой. Об ее прошлых выходках ходили легенды, а нынешние изумляли его с завидной регулярностью. О будущем она явно не думала и до учебы снисходила редко, как и до посещения школы. В прочем, посещения носили характер скорее формальный. По крайней мере, судя по его урокам, на которых она регулярно рассказывала соседке по парте, где она вчера была и что там делала. В общем, есть от чего сойти с ума всегдашнему пай-мальчику.

И религия, к которой она вроде бы формально принадлежала была не та, что у него. А для него это было очень важно – он был очень религиозным. А религия, как известно, может то, что не под силу, да и не пришло бы в голову ни одному Богу. Она может деспотично запретить представителям разных конфессий любить друг друга. И он страдал.

Внешне она тоже совсем не походила ни на идеал, ни на красавицу. Да и до симпатичной девушки ей было далеко. Она была бледная, ужасно бледная: короткие, почти совсем белые волосы, бледная кожа, бледные тонкие губы, хрупкое телосложение. Любимый цвет одежды (черный), только подчеркивал ее неяркость. И глаза у нее были бледно-голубые, тоже блеклые, если бы не взгляд – буравящий, дерзко-вызывающий. Этот взгляд снился ему каждую ночь. Она была неземным существом для него.

А еще она – едва ли не единственная из двадцати пяти девочек двух в конец, обнаглевших одиннадцатых классов не строила ему глазки на уроках. И это только возвышало ее

в его глазах.

И вот однажды она пропала. Конечно, прогулять четыре дня занятий было для нее обычным делом. И все бы ничего, если бы четыре дня назад она не решила прогуляться по Ужасному лесу. Очередная ее безумная выходка.

С ней тогда были три ее подруги. В условленное время она разошлись по лесу в разные стороны и договорились вернуться через три часа. Они на что-то поспорили, и девочки теперь недоумевали, зачем они это сделали. Через три часа они вернулись, а она нет. Конечно же, сразу забили тревогу. Милиция прочесывала Ужасный Лес, но пока безуспешно.

Он узнал о случившемся на четвертый день. Его тут же посетила нехорошая догадка, и он понял, что сам должен отправиться на поиски. Ради ее жизни, ради их несвершившейся любви – должен!

На всякий случай он оставил в двери записку, где указал, куда он ушел, и направился в сторону Ужасного Леса.

Сначала он прошел по парку, и его нехорошая догадка тут же подтвердилась: милиция старательно прочесывала парк – соваться в Ужасный Лес они боялись.

Он пока не боялся. Он был настроен решительно и смело шел в сторону Ужасного Леса. Чем дальше он туда заходил, тем выше, корявее и страшнее становились деревья. Парк был молодой частью Ужасного Леса, поэтому столь жуткого впечатления не производил. Идти стало мягко – под ногами появился густой темно-зеленый мох.

Он не заметил, как цепочка с религиозным символом на его шее расстегнулась и, скользнув вниз по одежде, упала на мягкий мох. Теперь там лежало две цепочки – девушка, которую он искал, зашла в Лес в этом же месте. Не подумайте, Лес не был во власти дьявола, наоборот – он ему злостно не подчинялся; но жители Леса любили смущать незваных гостей, поэтому религиозные символы снимали со всех без исключения, при выходе из Леса (если таковой состоится) возвращали в целости и сохранности.

Кстати, о дьяволе: невдалеке он услышал женский голос. Красивый, высокий голос, поющий песню по-английски. Дикую песню, в которой часто встречались слова «hell» и «devil». Голос был конечно красивый, но совсем не приятный.

Вскоре он увидел и обладательницу голоса: навстречу ему шла женщина. Она была безумно красива, весела и спокойна. Похоже, она не ощущала висевшей в воздухе угрозы и чувствовала себя здесь как дома. На голове у нее был венок из лилий, а в руках – букет больших, красивых цветов. Букет и венок слегка светились в сумраке.

Заметив его, она замолчала и хищно улыбнулась.

– Здравствуй, солнышко.

– Здравствуйте.

– Что ты здесь делаешь так поздно?

– Я ищу...

– Не меня, случайно? А-то вот она я – уже нашлась!

– Нет, девушку. Блондинка с короткой стрижкой. Одета, наверно, как всегда, в черное. Вы не встречали ее?

– Встречала. Мы разговаривали. Очень умная девочка.

– Где она?

– Она пошла туда, – женщина неопределенно махнула рукой. – Да, что ты так волнуешься? Зачем она тебе, теперь у тебя есть я.

– А кто Вы? (и зачем он только спросил).

– Я – дьявол.

– Дьявол? – он хлопнул себя по груди – цепочки не было.

– Успокойся, даже, если бы была – меня этим не напугаешь...

– Я... Я всегда думал, что дьявол – мужчина.

– Ты думал совершенно правильно – у меня есть брат.

Внутренне он был смущен очень сильно, в внешне – лишь слегка. Женщина поразилась такому контрасту, пожала плечами и продолжила свой путь.

Что до внешних признаков смущения: он и вправду хорошо научился их скрывать. Тут научишься, если каждый день, открывая класс, слышишь за спиной примерно следующее: «Хи-хи-хи! Он стесняется. Давайте его соблазним?» Что ни говори одиннадцатые классы и вправду в конец обнаглели.

Он шел, не разбирая дороги, глубоко задумавшись. А в таком опасном месте, как Ужасный Лес, этого ни в коем случае нельзя делать, – мигом потеряешь бдительность и...

...и тут же его сшибло с ног и придавило к земле чем-то

тяжелым. Опомнившись, он увидел на своих плечах две руки без больших пальцев с длинными заостренными когтями. Над ним склонились три огромные крысиные головы. То был знаменитый оборотень, которым пугали всех любителей погулять у Зеркального Пруда и пособирать лилии.

Он несколько секунд в шоке смотрел на оборотня. В голове у него, как всегда бывает в подобных ситуациях, промелькнули совершенно неподходящие мысли: «Ну, прямо как в Щелкунчике! Интересно, как он выглядит в человеческом обличье?»

Кстати, в человеческом обличье оборотень выглядел совсем обычно, но по характеру действительно был редкостной крысой.

Тем временем юный физик напрягся и резким движением сбросил крысу с себя. Потом быстро вскочил на ноги. Оборотень, привыкший к быстрым победам, явно подобного не ожидал; но не растерялся, встал на задние лапы, и, навалившись на парня передними, неуклюже прыгнул на него и снова повалил. Весил оборотень весьма и весьма прилично, этим всегда и брал.

Он уже открыл было рты, собираясь перегрызть парню горло, а потом спокойно съест его еще теплого, но физик тоже не терял времени. Он нащупал в траве длинную толстую палку и, размахнувшись насколько это возможно, сильно ударил по крайней слева морде. Оборотень, противно вскрикнув, отломился и отлетел в сторону его левый резец,

из носа левой головы полилась кровь. Молодой учитель взял палку в обе руки и резко выбросил их вверх. Теперь в крови было все три морды. Оборотень тяжело дышал, захлебываясь кровью. Парень сбросил его с себя и поднялся на ноги. Крысу опасно было оставлять в живых, но и добить он не мог. Ну, да, не мог он убить живое существо, пусть даже редкостную крысу. Да и учитель он или не учитель в конце концов?! Он добро должен нести!

В общем, пока он так размышлял, оборотень немного пришел в себя и приготовился к новому прыжку, но тут увидел за спиной у физика что-то такое, из-за чего нападать раздумал и быстро убежал.

Парень обернулся и вздрогнул от неожиданности; за спиной чернело в сумерках какое-то большое строение без окон. И где-то он уже видел что-то подобное. Что-то вроде саркофага на Чернобыльской АЭС,. Только сделан намного лучше-прочнее, ни единой трещины и щели. То, что внутри было надежно скрыто.

«Что же так напугало оборотня? – подумал физик. – Он, наверное, мимо строения по десять раз в день и по двадцать за ночь пробегает». Впрочем, парень не стремился узнать ответ на этот вопрос – не за этим он пришел. Девочку надо искать – если не он, то кто? Саркофаг обойти, что ли?

И он пошел вдоль глухой стены. К пониманию причины страха оборотня он был близок как никогда.

Потому, что из-за другого угла к нему навстречу вышел

светящийся силуэт. Это было что-то пострашнее крысы. Оно было около пяти метров ростом и напоминало человека, по крайней мере, передвигалось на двух ногах и имело две руки с большими кистями и длинными тонкими пальцами. В небольшом рте было много мелких, острых зубов, глаза были круглые, фиолетовые (три штуки), голова без волос. Одето существо было в какой-то форменный комбинезон с непонятной эмблемой. В руке оно держало большое надкусанное яблоко. Сквозь все существо был виден окружающий пейзаж. Парень остановился – впервые в жизни он видел приведение.

И тут существо протянуло к нему свободную руку.

– Поговори со мной.

– С тобой? О чем?

– О чем угодно. Я здесь уже давно. И со мной никто не разговаривает. Только крыса иногда приходит, пересказывает местные сплетни. Раньше мы подолгу беседовали, теперь надоело, наверное, видел, как сегодня убежала? Меня увидела. Боится, что рассказывать заставлю.

– Слушай, а крыса – это мужик или баба?

– Крыса долго мне объясняла, но я не понимаю различия.

Там, откуда я, мы все одинаковые.

– А как же вы... Ну, да, ладно. Откуда ты?

– Я от туда, – призрак показал длинным пальцем вверх.

Звездное небо было плохо видно сквозь ветки.

– А почему ты здесь?

– Я не люблю рассказывать эту долгую и грустную историю. С тех пор я и ненавижу яблоки.

– А откуда ты так хорошо знаешь язык.

– Я здесь очень давно.

– Слушай, а здесь девочка не проходила? Светловолосая, одетая в черное.

– Проходила. Мы с ней разговаривали.

– И куда она пошла.

– Туда.

– Вот, спасибо! Пойду к ней.

– Конечно. Заходи ко мне еще. Поговорим.

Физик побежал в указанном направлении. Из темноты сверкало много разных глаз, и слышались угрожающие шорохи. Он замечал их, но не придавал значения.

За деревьями что-то блестело, и вскоре физик увидел небольшой водоем – то был Зеркальный Пруд. На его поверхности лежали большие голубоватые лилии дивной красоты. Ему было жарко, и он присел у пруда и уже хотел зачерпнуть руками воды, но остановился. Дул легкий ветерок, но поверхность Зеркального Пруда оставалась абсолютно неподвижной.

Над Прудом склонялись деревья, в воде отражались яркие звезды.

Пруд был опасным местом, обычно вокруг него бродил волк-оборотень: поджидал влюбленные парочки, пришедшие за лилиями, и влюбленных-одиночек, стремящихся до-

казать свою любовь и приходивших за лилиями же.

Но для физика Пруд был почти безопасен: крыса здесь уже побывала и предупредила волка, чтобы не связывался с этим психом.

Физик осмотрелся вокруг: девушки и тут не было. Невдалеке он услышал пение. Старческий, но не лишенный приятности голос пел на безупречном французском «Я ни о чем не жалею» Эдит Пиаф.

– «Да, вы сговорились все, что ли? Что-то распелись все!» – подумал он.

Тем временем на берег Пруда вышла маленького роста старушка с корзинкой. В корзинке были цветы и травы, видимо лекарственные, источавшие одурманивающий запах. У старушки были ярко-красные, светящиеся в темноте глаза. Физик это заметил, но не придал значения.

Бабуля мило улыбнулась, обнажив четыре оставшихся зуба (и все – клыки).

– Здравствуй, внучек. Что, за лилиями пришел?

– Нет.

– Странно. Тогда сорви мне, пожалуйста, парочку, а-то мне тяжело нагибаться. Слушай, да ты весь в крови, черноглазенький. И кровь-то не твоя...

– Ну, да...

Он сорвал лилии.

– Спасибо. И для своей девушки сорви. Ей понравится.

– У меня... Я ее как раз ищу. Вы ее не видели?

– Нет. А она пухленькая?

– Нет, худенькая.

– А щечки румяные?

– Нет, бледные.

– Тогда я ее и видеть не хочу.

– Почему?

– Неважно. Лучше наклонись ко мне, я тебе что-то скажу... хотя, нет, не надо. Иди, ищи свою девушку. Может, найдешь, если ее еще не съели. До свидания, внучек.

– До свидания.

И он двинулся дальше. Ночной мрак медленно рассеивался. Ориентироваться на местности он давно перестал и теперь надеялся только на чудо.

Справа от него что-то блеснуло. Он повернулся в ту сторону – это были глаза. Снова светящиеся человеческие глаза. Только у бабушки светилась радужка, а здесь белки излучали мягкий свет. Глаза были темно-синие, почти черные. Он смотрел в них и не мог оторваться. В предрассветных сумерках четко обозначился женский силуэт. Кожа у нее была темно-синяя. На длинном платье и в волосах сверкали звезды. У нее была чарующая улыбка на темных, полных губах и эти глаза! Их манящий свет...

Он забыл обо всем, забыл, зачем пришел, только смотрел и смотрел на темный силуэт и лучистые глаза и знал, что теперь никуда от нее не уйдет. Она протянула к нему руки, он протянул руки к ней и шагнул вперед...

...и тут он в третий раз за эту ночь услышал пение. Снова что-то о дьяволе, но уже по-русски. Голос был дурной, а пение – фальшивое, но он был рад слышать его, как никогда. Он стряхнул с себя оцепенение и побежал на голос.

Конечно же, это была виновница поисков и вечная прогульщица.

Вся белая, она казалась голубоватой в рассеивающемся сумраке. На голове у нее был венок из лилий, а в руках – букет больших красивых цветов. Венок и цветы слегка светились. Лицо ее выражало собой полнейшее счастье и умиротворение, которое сменилось удивлением, когда она увидела здесь своего учителя.

– Где ты бродишь все это время? Мы тебя уже четвертые сутки ищем.

– Четвертые сутки? Правда?

– Правда. Пойдем отсюда.

– На вас кровь? Вы ранены?

– По дороге расскажу.

Из Ужасного Леса они выбрались вполне благополучно. Еще они нашли свои цепочки – Ужасному Лесу чужого не надо.

А еще его через неделю его уволили из школы. Впрочем, он легко устроился в другую. Просто один человек в тот день видел, как они возвращались вместе, и рассказал об этом директору с нехорошим намеком. И был этот человек по характеру крыса редкостная.

30.09.02006

Родительский день

Возвращаясь с АЭС из ночной смены, он встретил в трамвае Юльку.

– Ты куда?

– Домой. Папа будет ругаться – солнце всходит, а я еще не в могиле.

Шуточки у нее... Хотя пора бы уже и привыкнуть – она всегда так мрачно шутила.

– Тебя проводить?

– Пойдем.

Он не знал, где она живет, и сегодня надеялся это исправить. Они вышли из трамвая и вправду двинулись в сторону кладбища. Он хотел было сказать, что это уже не смешно, но вовремя вспомнил, что сегодня родительский день.

– Еще далеко?

– Порядком. Надо поторопиться. Отец велел быть дома с первыми петухами, а я задержалась.

– Прекрати, уже не смешно.

Несмотря на кажущуюся веселость она заметно нервничала, наверно не любила кладбищ. Шли очень быстро. Ее щеки были бледны, светлые хвостики подпрыгивали в такт шагам. Она спросила его о работе. Он первый год работал на электростанции, и ему нравилось.

Они все шли и шли. Ему уже начало надоедать.

– Говорят, что сегодня души умерших могут повидать своих родственников. Ты в это веришь, Юля?

– Я это знаю. Хотя, почему собственно, только сегодня?

– Не знаю. Не я это придумал, да и не верю я в это.

– Ничего, это не надолго.

– Что не на долго?

– Твое неверие.

– Нет, это на всю жизнь. Я убежденный материалист.

– Посмотрим. Кстати, мы уже почти пришли.

Юля поздоровалась с шедшей навстречу женщиной, кивнула семье, собравшейся у двух памятников, но ответили ей почему-то только двое, стоявшие в стороне; улыбнулась обогнавшим их солдатам. На их погонах он увидел буквы СА. Странно, ведь теперь на погонах рядовых буквы РА... Еще он заметил, что они как-то странно на него посмотрели.

– Я вижу, у тебя здесь много знакомых.

– Больше, чем ты думаешь.

– Неудивительно. Ведь сегодня весь город здесь.

С ними поравнялась высокая девушка в черном. Что-то странное было в ее бледном лице, но он не понял что. Вместо приветствия она строго спросила:

– Юля, почему ты задержалась?

– Я объясню позже.

– Хорошо, а теперь поторопись.

Девушка остановилась у одной из могил. Ему показалось, что на памятнике ее фотография, но это только показалось.

Наверно, пришла к матери или сестре, отсюда сходство.

– Почему она сказала, что ты задержалась? Разве сюда можно опоздать, ведь покойники не разбегутся?

– Нет, опоздать сюда нельзя, можно только прийти слишком рано.

– До первых петухов?

– Нет, слишком молодым.

– Лично я не хотел бы здесь оказаться ни молодым, ни старым.

– Зря. Здесь хорошо.

– Повторяю для особо одаренных: уже не смешно!

Его всегда удивляло, как странно в ней сочетаются легкий характер и мрачный юмор. Он хорошо помнит, что сразу обратил на нее внимание в день, когда они познакомились. Он загляделся на нее, и она, заметив это, подошла и представилась. Юля никогда не была застенчивой...

Вдруг он понял, что ее нет рядом с ним. Он окликнул ее. Ответа не было. Он огляделся и увидел ее светлые хвостики и зеленую куртку вдалеке среди памятников. И он пошел к ней, лавируя между надгробиями, а она все удалялась и удалялась. Несколько раз он окликал ее, но она не отзывалась. Потом он потерял ее из виду, но продолжал идти вперед, пытаясь догнать.

Вдруг он обо что-то запнулся и, потеряв равновесие, упал, ухватившись рукой за какой-то памятник. Он поднял глаза: памятник был старый, весь покрытый ржавчиной, но фото-

графия хорошо сохранилась. Он сразу узнал ее лицо. С фотографии улыбалась Юля. И под фото две даты с разницей в шестнадцать лет.

20.04.2004

Баянистка

«Говорил Боян и Ходына...»

«Слово о полку Игореве»

Она была баянисткой, играла прекрасно, и почти не переставая. Целыми днями во дворе с превосходной акустикой звучала музыка. Прохожие заслушивались, а соседи настолько привыкли, что не обращали внимания.

Ее тонкие пальцы не уставали, а мозг помнил бесчисленное множество мелодий. Она никогда не повторялась. Практически никогда. Музыка лилась и лилась, не ограниченная ни временем, ни пространством: баянистка играла всегда и везде. Когда ее соседи засыпали, она еще играла, а, когда просыпались, – уже играла.

Пальцы слушались ее даже в состоянии сильного опьянения, в котором она пребывала довольно часто. И тогда она пела. Голос ее был чист и высок. Она сидела у открытого окна или на подоконнике, свесив ноги во двор, (а жила она на четвертом этаже), играла на баяне и пела, пела о любви песни, которые до этого никто нигде не слышал. Песни дивной красоты. Влюбленные девушки слушали их и плакали, не влюбленные – мечтали о любви, а тупые скучающие домохозяйки вызывали милицию.

Впрочем, милиция по этому адресу уже давно не выезжа-

ла, а если и выезжала, то для того, чтобы послушать ее пение. Один молодой милиционер в чине сержанта, однажды, послушав ее, стал приходить к ней вечерами и приносить цветы. Обычно она открывала дверь, забирала букет, закрывала дверь и никогда с ним не разговаривала. Тогда он садился на ступеньки и слушал, как она играет.

Он был симпатичный. Я даже была влюблена в него... А она все играла и играла...

Впрочем, бывали случаи, когда вызвать милицию не помешало бы. Например, когда она валялась на клумбе и пела под баян песни, шокировавшие взрослых и учившие детишек новым словам... Но, почему-то, именно в тот день милицию никто не вызывал. Однажды, видимо, будучи в ударе она спела песню, которую можно было бы озаглавить «Наш двор»... Жители двора узнали о себе и друг о друге много нового... А сантехник дядя Миша даже перестал нецензурно выражаться. Понял, наверное, что лучше, чем у нее все равно не получится.

Но, такие случаи были скорее исключением, чем правилом. Обычно, она пела о любви, изредка останавливалась, смотрела в небо и шепотом говорила: «Я пою для тебя, любимый... Для тебя...»

Местные бабули-сплетницы, оккупировавшие самую длинную лавочку во дворе, часто и бурно обсуждали ее, хоть это и было нелегко, ведь она не делала ничего нового, только играла, иногда пела и практически не менялась внешне.

На вид ей было лет 35—40, достаточно стройная для своего возраста, лицо круглое, миловидное, впрочем, ему не помешало бы немного косметики, для придания большей выразительности; неизменная сложная высокая прическа с декоративными шпильками – жемчужинками, неизменные джинсы и несколько футболок, почти незаметных из-за баяна.

Она не здоровалась со старушками, и, после того, как она в очередной раз проходила мимо них с независимым выражением лица, они бурно обсуждали ее, обогащая биографию баянистки новыми фактами.

«Послушайте, что я вам про нее расскажу,» – говорила самая старая и больше всех интересовавшаяся чужими делами сплетница, совершенно не умевшая хранить тайны. Правда, старушка страдала провалами в памяти и по неволе хранила главную тайну баянистки: она веселила гостей на первом дне рождения сегодняшней бабушки, (а отмечали его 70 лет назад), она же разучивала с ней и другими малышами их первые песенки, под ее музыку она с одноклассниками и одноклассницами танцевала во дворе...

Баянистка поселилась в их доме незадолго до рождения главной сплетницы двора. И никто не мог рассказать, как давно она живет в нашем городе. А чего уж точно никто не знал, так это того, что она не всю жизнь играла на баяне. До того, как изобрели баян, она играла на гусях и так же, как сейчас приговаривала: «Я пою для тебя, любовь моя...

Для тебя...» И смотрела в небо так же, как жены и матери рыбаков смотрят на море: не покажется ли знакомый парус...

20.08.2004

Исчадие Ада

Прозвенел звонок, и ученики, быстро и шумно собрав вещи, покинули класс.

Учительница притворила дверь и открыла окна, впуслав теплый осенний воздух. Потом она поставила чайник и достала печенье из мешочка на полке.

Вскоре подошла ее подруга Катя, прозванная учениками Катюша, с намеком не на нежность характера, а на военную технику.

Сегодня им многое нужно было обсудить.

Ну, как?

Ты о чем?

Ни о чем, а о ком – о твоей новенькой.

С ней все в порядке.

А как ведет себя?

– Нормально. Курит, грубит, прогуливает, уроки не учит. По сравнению с Адой – просто ангел. Я думаю, мы поладим.

– А кто такая Ада (Катя первый год работала в этой школе и не знала никого с таким именем)?

– Моя бывшая ученица. Вчера встретила ее, так она даже не поздоровалась, впрочем, как обычно. Не буду скрывать: я даже рада, что она ушла из школы. Без нее стало гораздо спокойнее.

Что, так плохо себя вела?

Не то слово, но не в этом дело.

А в чем же?

– Она была очень странной. Нелюдимая, она ни с кем не разговаривала (ребята даже подсчитывали, кто услышал от нее больше слов. Рекордсмен услышал три, большинство же – ни одного) и молча же была любого, чуть что не по ней. Так она быстро отучила девчонок сплетничать ни только о ней, но и при ней, а парней – нелестно высказываться в ее адрес. Те и другие обходили ее стороной, как, впрочем, и все ученики нашей школы. Когда она шла по коридору, вокруг нее всегда было свободное пространство, потоки детей огибали ее.

– И что, одноклассники терпели ее выходки?

– Нет. Однажды они пытались с ней «поговорить». После школы ее подкараулить не удавалось: она уходила раньше всех, если вообще приходила. Однажды вечером, когда она возвращалась домой, класс, почти в полном составе поджидал ее во дворе. Я не сомневаюсь, что она справилась бы со всеми, но без Люцифера ей точно пришлось бы нелегко.

– Люцифер – это ее друг?

– Да, единственный. Черный пес, похожий на водолаза, но значительно превосходящий его в размерах. Никогда больше не видела такой огромной собаки. Он всегда сопровождал ее в школу и ждал во дворе во время занятий, если она приходила. Люцифер был неагрессивен, вернее – не делал ничего без команды своей хозяйки, но его боялись и уче-

ники, и учителя. Кстати, ты в курсе, почему Сидорчук заикается?

– Нет, но теперь догадываюсь.

– Правильно, он заикается с того вечера. Тогда во дворе он первый шагнул к ней. Люцифер бросился на защиту своей хозяйки. Я не знаю, что там произошло, но Сидорчук лежал в нервном отделении.

– А уколы от бешенства сделали?

– Нет. Люцифер здоров, да и не кусал он его, только напугал очень.

– А откуда ты все это знаешь? Неужели ученики рассказали?

– Да, это обсуждала вся параллель, Ада же вела себя так, будто ее это все не касается. На следующий день она явилась в школу, как ни в чём ни бывало. И одета была, как обычно, во все черное, футболка со скелетами, косынка с черепами, та же жуткая музыка в плеере (она однажды дала мне послушать, так неделю кошмары снились), то же выражение злой тоски на лице.

– Слушай, я так и не поняла, что же в ней такого необычного? Она, конечно, не такая, как все, но почти в каждом классе есть такой человек.

– Я не рассказала тебе самого главного. Она еще более не такая, как все, чем ты думаешь.

– И в чем это выражается?

– Там, где она находилась, постоянно что-то взрывалось,

разбивалось или загоралось. Я не ставила опыты в этом классе с того дня, как взорвались все колбы, пробирки и мензурки (в большинстве которых была вода). Я чудом успела закрыть лицо. Руки сильно изрезало осколками. В ее классе постоянно лопались лампы, трескались стекла, взрывались или падали с подоконников цветочные горшки, загорались легко – и не очень воспламеняющиеся предметы (наш журнал горел раз пятнадцать, не меньше). И, что самое плохое, никак не докажешь, что это делает она.

– А почему ты решила, что это она?

– А кому больше? Я давно заметила, что все это происходило, когда она злилась (учитель на нее кричал или с одноклассником дралась). Недаром ее прозвали Исчадие. Я вздохнула с облегчением, когда она ушла.

– Переехала?

– Нет, как жила недалеко от школы, так и живет. Однажды ее сбила машина. Она долго болела, а, когда начала выздоравливать, пришла ее мама и забрала документы. Сказала, что Ада не хочет сюда возвращаться. Странно, сколько раз хотели ее отчислить, а тут сама ушла. Я так и не узнала почему. До этого видела ее несколько раз. Она была, как всегда, с Люцифером, иногда – с мамой и выглядела очень подавленной. Странно, обычно она веселела, стоило ей выйти из школы...

...Учителя не знали, что все это время они были не одни. Рая, пухленькая блондинка, которую все любили за ве-

сельый легкий характер, задержалась, перекладывая учебники на подоконнике, и, услышав имя Ады из-за неплотно прикрытой двери, подошла поближе и прислушалась. Потом она, стараясь не шуметь, прошла по пустому коридору, спустилась во двор.

Дойдя до небольшого пустыря и убедившись, что никто ее не видит, она взглядом подожгла кучи сухих листьев. Ей стало легко. Оказывается, никто не знает о ее способностях. Она так боялась, что все поймут, кто это делает, но ей так хотелось хоть как-то помочь Аде, а высказаться не хватало смелости.

Правда у Ады была своя тайна, о которой никто не знал, а Рая узнала чисто случайно, а, узнав, едва не умерла от страха. Ее и раньше мучило странное предчувствие и, когда она узнала, что ей угрожает, поняла – дальше так продолжаться не может.

Это она взглядом толкнула Аду под машину. Иначе было нельзя. Потому, что Ада либо убила бы ее, не осознавая, что делает, либо узнала бы, кто Рая на самом деле, и неизвестно еще, что лучше. У нее не было другого выхода, но, несмотря на это, Раю мучило чувство вины.

Рая задумалась и перестала себя контролировать. Ее глаза стали хвойно-зелеными, зрачок вытянулся, как у кошки, со страшным металлически звуком выскочили когти. Она вздрогнула, пришла в себя и тут же превратилась в прежнюю Раю. Нервное напряжение вылилось наружу диким жутким

хохотом. Сквозь смех она сказала: «Вы немного ошиблись:
Исчадие не Ада, исчадие – Рая.»

10.06.2004

Два возвращения

Саша была очарована Атомным Городом. Она бродила по нему целыми днями, не зная усталости, вечером засыпала мгновенно, и ей снились черные, уходящие в небо деревья и большие золотые листья на зеленой траве. Город не отпускал ее даже во сне.

Потом она вернулась домой, в свой Сумеречный Город, который любила, но в котором не было больших деревьев. Они по-прежнему снились ей по ночам, она просыпалась и видела за окном море огней.

Шел дождь. Было темно. Огней в Сумеречном Городе стало больше, чем обычно: они отражались, преломляясь в лужах, соперничая со звездами, скрытыми за тучами.

Саша шла по обочине дороги, навстречу движению. Ей было хорошо. Она любила дождь. Задумавшись, она не заметила машины, выехавшей из-за угла. Позже водитель сказал, что не видел ее.

Ее памяти уже две недели. Сейчас она заново знакомится

со своими старыми друзьями, слушает когда-то любимые записи, пытаясь хоть что-нибудь вспомнить. Она подолгу гуляет по городу и, несмотря на то, что нетвердо помнит, где живет, всегда находит дорогу домой. А по ночам ей снятся высокие черные деревья и кружащие золотые листья. Это зов Атомного Города, который она не помнит.

Прошло два месяца.

Поезд, наконец, остановился. Саша снова оказалась в Атомном Городе. Ей предстояло заново познакомиться со своей подругой, живущей здесь. В кармане лежала бумажка с адресом, но Саша про нее забыла. Она была уверена, что знает, куда идти.

Девочка шла через старый парк. Черные деревья по-прежнему стремились в небо, но желтых кружащихся листьев не было, их заменили ярко-зеленые. Саша остановилась и оглянулась по сторонам, улыбнулась, потом обняла большое черное дерево и посмотрела вверх на переплетение веток, листьев и неба. Она снова стала собой. Атомный Город вернул ей память.

07.04.2004

Небожитель

Закат отгорел и погас. Зажглись звезды. Было очень тихо.

Тишину нарушил резкий звук, похожий на выстрел, будто кто-то пинком открыл дверь. В небе открылся люк, оттуда до земли протянулся яркий луч красноватого света. По лучу стал спускаться темный силуэт.

Его появление не осталось незамеченным, пусть заметил его только один человек во всем городе.

Девушка сидела на крыше своей высотки с гитарой и смотрела, как сумерки поднимаются со дна города, и окутывают его. Она была над городом и его огнями. Сейчас она отложила гитару и наблюдала за небожителем. Его походка была легка, одет был во все черное, длинные волосы и напряженно-спокойное выражение бледного лица, отмеченного чем-то зловещим.

Она на несколько секунд отвела взгляд и не заметила, что он тоже на нее посмотрел и улыбнулся. У него были очень длинные клыки.

Она все также заворожено смотрела; немного не дойдя до земли, он легко спрыгнул с луча. Его шаги эхом разносились по пустому двору. Вскоре она потеряла его из виду.

– Да... Ад, наверное, перенаселен, если такие живут на небесах. Явно не ангел, хотя симпатичный. Но, кто же он?

Они снова встретились утром, когда она вышла в рассвет-

ный двор. Они долго смотрели друг на друга. С его рук капала кровь. Ее нервы не выдержали... Она лежала в обмороке недолго, но когда очнулась, его уже не было рядом.

– Кто он? – подумала она.

Следующей ночью она узнала кто он, но это была ее последняя ночь на земле.

30.04. 2004

На границе

Девушка шла вдоль полотна железной дороги, походка ее была легка и стремительна, шаг тверд. Одета она была в черное, пышные рыжие волосы были распущены. Она шла в полном одиночестве, никто не видел ее, только подобная ей, увидев ее издалека, тонкую, с ветром в солнечных волосах, подумала: «Может, это я?».

Девушка перешагнула через несколько рельсов, (кажется, их было четыре или больше). То была граница, и она пересекла ее.

Город, в котором она жила, стоял в степи, и все свободные ветра знали его.

Железная дорога кольцом окружала город и была, одновременно, границей со степью. За железной дорогой не стояло ни одного дома.

Железную дорогу, а в месте с ней и город регулярно обходил Пограничник. Никто никогда не видел его вблизи, и издалека мало кто видел. Никто не знал, кто он. Его считали хранителем города. Про него ходили жуткие легенды. Им пугали детей.

Дом, в котором жила девушка, стоял у самой границы. Девушка жила на 12-м этаже и видела из окна бескрайнюю степь и бесконечное небо, видела закаты небывалой величины и красоты, опускала глаза и видела железную дорогу с бе-

гущими поездами, а ночью – яркие огни вдоль нее. А еще она часто видела Пограничника.

В любую погоду обходил он границы города, а рядом с ним – его верный пес.

Однажды, гуляя в степи, девушка видела Пограничника издалека, правда, но не настолько далеко, чтобы нельзя было разглядеть. И она разглядела: на вид ему было чуть больше двадцати, высокий, широкоплечий. Лицо приятное: высокий лоб, широкие скулы, волевой подбородок, глаза большие, ясные, а улыбка (да, да он улыбнулся ей) – гагаринская. Одет он в форму российских пограничных войск, а на поводке не собака, как ей раньше казалось, а белый волк с ярко-зелеными глазами. Когда он увидел девушку, то резко рванул поводок в ее сторону, но Пограничник придержал его и спокойно двинулся дальше.

Сегодня Пограничник лишь на секунду промелькнул в ее мыслях и унесся куда-то с порывом дикого ветра.

Город остался далеко позади. Перед ней была степь, и было небо. Ветер летел низко над травой, пригибая ее. Небо здесь было выше, чем в городе, облака ближе и больше. Ветер дул сильный, порывистый, но не холодный. Облака были серо-синими и серо-фиолетовыми. Скоро будет дождь, быть может, даже гроза. Странно, но девушку не пугала перспектива остаться в степи во время грозы. Сейчас ее ничто не пугало и не волновало. Она думала обо всем и ни о чем и шла вперед.

Она смотрела в небо. Ее синие глаза, неяркие, но пронзительные словно отражали его. Ее глаза не были похожи на голубое небо, но удивительно гармонировали с грозовым. Лицо было бледное и в бледных же веснушках. Черты лица были тонкими и нежными. Она была словно ангел с грозовыми глазами. Впрочем, грозовым в них был только цвет.

Девушка шла, не оглядываясь, и не видела, что город за ее спиной превратился в сине-серую стену и зажег огни. Там уже почти наступила ночь, по степи же еще только разлетались с ветром легкие сумерки, и пасмурный день стал лишь чуть-чуть темнее.

Ее любимое дерево билось на ветру. Она издалека увидела его четкий, быстро движущийся силуэт. Гуляя по степи, девушка всегда навещала дерево. Это было едва ли не единственное дерево на много километров за чертой города. Девушка любила сидеть на его ветвях и смотреть на облака в раме из иголок (это была сосна). Но сегодня забираться на бесшумно качающееся дерево ей не хотелось.

Когда-то мама рассказывала ей, что одинокое дерево – это дерево Сатаны, и ни в коем случае нельзя садиться ни только на него, но и под него – злой дух не потерпит вторжения в свои владения. Тогда она, конечно, не поверила, но сегодня присутствие злого духа в дереве было трудно оспорить, и, похоже, он или танцевал, или делал утреннюю зарядку вечером. Сегодня дерево было одержимо.

В траве около дерева лежал человеческий череп. Он был

белый, чуть светящийся в темноте, в пустых глазницах – яркая чернота, словно пристальный взгляд, клыки – загнутые и длинные, очень длинные.

Девушка вряд ли до конца осознавала, что это череп. Черепов принято бояться. Она не боялась, но и не питала особой любви. Также она не задумывалась, как он здесь оказался, где скелет, чей это череп: мужской или женский (а череп был женский) и почему он малость странноват. Тем не менее, она всегда с ним здоровалась. Поздоровалась и сегодня.

Вдалеке показался автомобиль. Она вряд ли увидела бы его, если бы не яркий дальний свет фар, четкие лучи которого протянулись далеко во тьму. Только сейчас девушка поняла, что уже стемнело, и ей стало страшно. Нет, она не боялась ни ночной степи, ни приближающейся грозы, просто она почувствовала чью-то руку на своем плече. Превозмогая страх, обернулась. То был Пограничник.

31.07.2004

Нерожденная

Когда она, высокая, худая и несовершеннолетняя блондинка с короткой стрижкой и большим ртом, впервые появилась на пороге его изостудии, он не придавал этому особого значения; но еще пары таких появлений хватило, чтобы она стала единственной героиней его мыслей и желаний.

Особого таланта к рисованию у нее не было, но она была очень старательной. Он хвалил ее за малейшее достижение.

Он долго мучился и боролся с собой, и однажды, когда на занятия в студию не пришел никто, кроме нее, эта внутренняя борьба повергла его к ее ногам. Он обнимал слабыми руками ее колени и говорил, какая она красивая, как он ее любит, и как ему одиноко, ужасно одиноко и страшно...

Она некоторое время молча простояла в растерянности, потом презрительно посмотрела на него и презрительно же отпиннула, как что-то противное.

– Если бы твой ребенок был жив, ты бы не был сейчас одинок! – сказала она, подхватила куртку и быстро ушла.

А он так и остался сидеть на полу. Домой он не пошел, а всю ночь проплакал навзрыд, вспоминая о ней и о девушке, с которой встречался лет двадцать назад, когда был студентом худграфа. Вспоминал, как когда-то сказал ей, что у них еще будут дети, что они еще успеют. Вскоре она возненавидела его и ушла. Тогда он думал, что еще успеет...

Не успел...

А нерожденная шла по темным улицам быстрым шагом. Она была призрак, и с каждым шагом ее силуэт бледнел, и она все больше и больше растворялась во тьме. Чувствовала она себя отвратительно. Так противно ей не было с тех пор, как что-то оборвало ее еще не начавшуюся жизнь. Тогда она с тоской поняла, что никогда не станет высокой блондинкой без таланта, но со страстью к рисованию.

А еще она поняла, что бросит своего парня, тоже нерожденного, слишком уж он похож на этого учителя рисования и, думается ей, неспроста.

Нерожденные жили в небольшой пещере за городом. Как ни странно, но их было довольно мало для такого большого города и ряды их пополнялись не часто, в отличие хотя бы от призраков выпускников, умерших в ночь выпускного. Но в отличие от тех же выпускников жили они дружно и мирно, большинство из них давно все всем простили и никому не желали и не причиняли зла.

07.03.2006

Хорошо

– Хорошо...

– Да, что хорошего?

– Хорошо, говорю, что коровы не летают. Не то, что у нас, так и шныряют по воздуху туда-сюда.

– Ты права. В городе еще ничего, можно вовремя отско-
чить, а в деревне без прочного зонтика на улицу не выйдешь.

– Точно. Помнишь, как мы летом отдыхали в деревне?

– Помню. Только успевай уворачиваться!

– Поедешь на следующее лето в деревню?

– Нет, лучше уж в лес. Что бы ни говорила мама о том, что в деревне овощи и парное молоко, но над лесом коровы кружат не так часто, как над деревней.

– Прямо как истребители.

– Действительно. Говорят, что во время войны коровы сбили больше вражеских самолетов, чем летчики.

– Побольше бы коров во время войны! И мясо, и молоко, и противовоздушная оборона!

– А так и было. В тот год перевыполнили план по увеличе-
чению поголовья скота. Без этого мы не победили бы.

– Ну, что мы все о коровах, да о коровах?

– И, правда. Пойдем лучше пельмешков поедим. С говя-
динкой.

– Пельмешки – дело хорошее, особенно с говядиной.

Жаль, что у нас их не приготовишь.

Почему?

Помнишь, из-за чего мы переехали?

– Еще бы! Возвращаемся домой, а там окна разбиты, стены раскурочены, вся квартира в каких-то вонючих зарослях, ветки этих растений торчат на улицу через разбитые окна и разломы в стенах! Как такое забудешь?! Просто жуть!

– А ведь то были обычные дрожжи. Помнишь, мы тогда решили испечь булочек, развели дрожжи и забыли про них? А еще мы забыли, что в нашем мире все растет гораздо быстрее, чем в этом. Они, наверное, вдобавок еще и мутировали. В этом мире мне довелось видеть их под микроскопом. Ничего похожего.

– Да-а... Я помню, как все тогда переполошились. К счастью, дрожжи приняли за инопланетное растение и, во избежание нарушения экологического равновесия, сожгли огнем 3-ей степени теплоты вместе с нашим домом, а потом еще и лазером прошлись, на всякий случай...

Кстати, пельмени делают без дрожжей. Может, попробуем?

– Нет, лучше не надо. Вдруг там окажется еще что-нибудь, что растет.

– Ты права: нельзя ничего приносить из этого мира в наш. Не хватало еще, чтобы о наших походах сюда узнали. Никто, кроме нас, не должен знать о пути в параллельный мир.

– Да брось ты, никто и не знает! Вход и выход в безлюдном

местах. Разве, что кто-нибудь из нас расскажет.

– Ну, ты загнула! Разве мы можем выдать нашу общую тайну, мы же сестры.

– Я никому не доверяю больше, чем тебе.

– Правильно делаешь. Как ты думаешь, мы найдем другие двери в параллельные миры?

Конечно. У меня есть подозрения по поводу одного местечка.

Завтра можно его проверить.

Ладно. А все-таки хорошо!

Что коровы не летают?

Ты читаешь мои мысли!?

Вань, смотри: девчонки из параллельного пошли.

Класса что ли?

– Да нет мира.

Мира? Ну, ты сказал.

– Не веришь? А ты приглядишься: и одежда у них какая-то странная, и во внешности что-то не так, хоть и хорошенькие.

– Может, иностранки?

Да нет, говорю же я тебе: они из параллельного мира.

Чем докажешь?

Я знаю, где находится вход.

Покажешь?

Пойдем.

Слушай, Сань, а ты сам-то там был?

Был.

Ну и как?

– Нормально: люди почти такие же, как у нас, язык тот же, дома стоят как-то интересно, это не расскажешь, это надо видеть. Растения там очень большие, просто огромные. Меня там бабушка помидоркой угостила, два часа ел, так и не доел. И еще там коровы летают. Высоко-высоко...

20.08.2004

Сердце

Я увидела его и поняла, что влюбилась. А ведь раньше не верила в любовь с первого взгляда.

Я долго смотрела на него и не могла оторваться. Мне кажется, что я где-то его уже видела. Не знаю. Может быть – на улице, а может во – сне. Но это уже неважно.

Он такой красивый! Ему так идет белое! У него большие печальные глаза и светлые волосы, а еще я ни у кого не видела таких красивых рук. Пальцы длинные и тонкие. Такие часто бывают у музыкантов и лишь иногда – у врачей.

Он подходит ко мне. Мое сердце замерло. Я не дышу. Я смотрю и вижу только его лицо и ничего больше! Он наклоняется ко мне. В его глазах печаль и удивление. Он что-то говорит. Кажется: «Ты просто красавица. Сколько же тебе лет?» Впрочем я не уверена. Все как в тумане, сглаживающем очертания и глушащем звуки...

Странно, что его интересует мой возраст. Мне 19. Неужели я выгляжу младше?

Он прикасается ко мне. Ах, эти пальцы! Я не могу пошевелиться, только смотрю и смотрю на него. Со мной такого никогда не случалось. Он полностью завладел моим сердцем! Он держит его в своей руке. Я молчу. Я не могу ничего сказать, только смотрю в его глаза.

Тихо. Кажется, что в этом мире нас только двое. Он о чем-

то мне рассказывает. Он касается меня рукой. Я не могу пошевелиться и не могу оторвать взгляда от его лица. Над нами огромная яркая лампа. Его белая одежда и золотые волосы светятся. Он похож на ангела!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.